

Что бы ни думал Цин Янь, дни продолжали сменять друг друга, и незаметно прошло уже больше недели с тех пор, как он переступил порог этого дома.

В день Лаба* Цю Хэнянь не взял выходной и отправился работать в кузницу, как обычно. До Нового года оставалось совсем немного, а ему нужно было закончить заказы клиентов, чтобы успеть передать им изделия до конца года.

(ПП: Фестиваль Лаба — традиционный китайский праздник, отмечаемый в восьмой день месяца Ла, двенадцатого месяца по китайскому календарю. Это начало периода китайского Нового года. В этот день принято есть кашу Лаба.)

Тетя Ли принесла Цин Яню большую миску маринованного чеснока, приготовленного к Лаба. В ответ он угостил ее половиной горшка собственноручно сваренной каши Восемь сокровищ. Они сели вместе, чтобы перекусить и поболтать, грызя семечки дыни.

Цин Янь между делом спросил:

— Глядя на то, как вы уже почти все подготовили к празднику, я подумал: а когда вернется ваш муж?

Как только он произнес эти слова, радостное выражение на лице тети Ли вдруг померкло. Она опустила голову и долго молчала.

Цин Янь на мгновение растерялся, поняв, что, похоже, сказал что-то не то.

Тетя Ли смахнула слезы, подняла глаза и заметила его смущение. Успокаивающим тоном она произнесла:

— Это не твоя вина. Просто я не люблю, когда об этом говорят, так что, наверное, далан и не упоминал. — она взяла выпавшую из корзинки семечку, отправила ее в рот и машинально разгрызла, не ощущая вкуса. Затем тихо добавила, — Мой муж... его давно уже нет на этом свете.

Цин Янь ошеломленно смотрел на нее. В углу его зрения мелькнули строки, словно биографическая заметка: «Ли Сицжэнь, жена Цинь Лянчуаня, префекта округа Наньхуэй».

За последние несколько дней, когда Цин Янь выходил за водой или за тофу, он встречал немало жителей деревни. Иногда попадались вдовы или вдовцы, и в их описаниях всегда было четко указано: «вдова такого-то» или «вдовец такого-то». Даже если они вступили в новый брак, это указывалось. Но у тети Ли такого не было.

Она продолжала смотреть на корзинку с семечками, словно не замечая выражения лица Цин Яня. Ее голос дрожал от горечи:

— Это случилось пять или шесть лет назад. Тогда наша Юлань еще не вышла замуж.

— Все произошло как раз под Новый год. Он сказал, что больше не поедет в город, но я уговорила его. Сказала, что перед праздником можно еще продать немного шкур. Ведь жены господ в уезде в это время готовы тратить деньги — они готовятся к празднику. Продадим, говорила я, и на эти деньги купим всей семье новую одежду.

Ее голос стал тихим и глухим, будто застрял в горле.

— А потом он не вернулся. Я просила людей его найти, и они обнаружили его одежду... на лысой горе у окружного центра. На ней были следы крови. Все из-за меня...

Когда она дошла до этого момента, голос у нее уже начал садиться, каждое слово давалось ей с огромным трудом.

Цин Янь поднялся и взял ее за одну руку, словно ребенок слегка покачал ее, лицо его было полным грусти. Тихо он сказал:

— Простите, мне не следовало затрагивать эти темы.

Тетя Ли яростно покачала головой и крепко сжала его руку, так сильно, что он почувствовал боль. Это было свидетельством ее глубокой душевной раны.

Цин Янь мягко продолжил:

— Если вы захотите с кем-то поговорить, зовите меня. Если дома найдется работа, с которой вы не справляетесь, тоже зовите — я помогу. Вы знаете, как обстоят дела у меня и Хэняня: у нас двоих родных почти не осталось. Считайте нас своими племянниками, а мы будем считать вас нашей тетушкой.

Тетя Ли кивала, не переставая, и слезы наконец покатались из ее глаз, пока она обнимала руку Цин Яня.

Когда он вернулся домой, то открыл ящик под кроватью и достал оттуда книгу «Книгу гор и морей». Он перевернул страницы до нужного места и долго изучал ее, тихо пробормотав:

— Оказывается, Наньхуэй находится более чем в тысяче ли отсюда.

Деревня Люси — это северная глухомань, тогда как Наньхуэй расположен далеко на юге. С учетом нынешнего состояния дорог и финансовых возможностей добраться туда, чтобы все проверить, было практически невозможно.

К тому же краткое упоминание в книге вовсе не означало, что Цинь Лянчуань действительно жив. Цин Янь не был в этом уверен.

Он долго сидел на краю кровати, погруженный в свои мысли, пока не пришло время ужина. Тогда он торопливо спрятал книгу, развел огонь в печи и принялся готовить.

С ситуацией в доме тети Ли он пока ничего придумать не мог, потому решил оставить это на потом.

Цю Хэнянь вернулся домой на две четверти часа позже обычного. Войдя, он держал в руках множество вещей. Цин Янь следовал за ним, разглядывая покупки одну за другой, и неожиданно обнаружил среди них лук, а также ножи, веревки, сети и всякую прочую утварь.

Цин Янь, удивленный, взял лук, чтобы рассмотреть его поближе. Оказалось, что он куда тяжелее, чем он ожидал. Не подготовившись, он едва не выронил его, но внезапно грубая большая рука поддержала его запястье, не дав луку упасть.

Цин Янь поднял глаза и посмотрел на Цю Хэняня. Тот только сказал:

— Осторожнее.

Он тут же забрал лук из рук Цин Яня и убрал свою руку с его запястья. Тепло в этом месте исчезло мгновенно, и Цин Янь почувствовал легкую грусть.

С недавних пор он начал подозревать, что Цю Хэнянь им недоволен, и постоянно искал в его поведении намеки, которые могли бы подтвердить его догадки.

Раньше он был другим, но Ван Янь ранила его слишком глубоко. Внешне он будто бы пережил это, только и показывая, что сожаление о потерянных деньгах, но в душе все еще оставался опустошенным и мучился сомнениями и неуверенностью.

— По дороге домой я зашел к охотнику Лю и одолжил у него эти вещи, — сказал Цю Хэнянь, бросив на Цин Яня взгляд. — Работы в кузнице закончим через пару дней, я собираюсь отправиться в горы на несколько дней на охоту.

У Цин Яня екнуло сердце, и он подумал: «Ну все, он меня настолько не выносит, что даже дома находиться не хочет».

Цю Хэнянь, наклонившись, собирал вещи, лежащие на полу.

— После ужина соберу постель и одежду. Ты не забудь взять свою грелку для рук — в горах холоднее, чем здесь, внизу.

Цин Янь, немного растерявшись, спросил:

— Мне... можно пойти в горы?

Цю Хэнянь выпрямился, повернул голову и спокойно сказал:

— А ты не хочешь?

Не дожидаясь ответа, он добавил:

— Конечно, пойдешь. Мы пробудем в горах как минимум три дня. Я буду переживать, если ты останешься дома один.

Если бы Цю Хэнянь посмотрел на Цин Яня в этот момент, то увидел бы, насколько выразительным стало лицо его маленького супруга. Эмоции сменяли друг друга, пока наконец его лицо не озарила широкая, лучезарная улыбка, от которой все вокруг словно засияло.

Цин Янь вдруг прыгнул к Цю Хэняню, как кролик, прижался к нему и энергично потерся головой о его шею, а затем также быстро отскочил и, юркнув в соседнюю комнату, крикнул оттуда:

— Я прямо сейчас начну собираться!

Цю Хэнянь остался стоять на месте, неподвижно глядя перед собой. Потом медленно поднял руку и коснулся своей шеи. Он почувствовал, будто его только что обнял маленький пушистый зверек.

□□.....

Прошло несколько дней после праздника Лаба. В утро последнего рабочего дня лавки к ним снова заглянул соседский гер из семьи Чжан, Чэнь Юй.

Цин Янь уже знал, зачем он пришел, но только с улыбкой облокотился на дверной косяк и приветливо поздоровался, не сказав ничего лишнего.

На нем была его любимая голубая стеганая куртка, а на ногах — новые зимние сапожки, которые Цю Хэнянь принес ему только вчера. Его волосы, благодаря недавней практике, были аккуратно завязаны, и теперь его внешний вид разительно отличался от того, что был в прошлый визит Чэнь Юя. Сейчас это можно было назвать настоящим «парадным» нарядом.

Северные зимы часто солнечные, и лучи солнца освещали лицо Цин Яня. Его кожа была тонкой, нежной, почти прозрачной, словно фарфоровой. Он выглядел безупречно.

На фоне этого Чэнь Юй, одетый в старую серую одежду и уже порядком потертую куртку болотного цвета, выглядел гораздо скромнее. Его взгляд долго задержался на голубой куртке Цин Яня, и выражение на его лице явно стало менее уверенным. Тем не менее, стараясь держаться, он притворно рассмеялся, прикрыв рот рукой:

— Все имущество на себя надел, что ли?

Цин Янь, разумеется, прекрасно понял его колкую насмешку, но не собирался раздувать из этого проблему.

Тетя Ли как-то рассказывала ему в беседе, что Чэнь Юй в браке с приезжим учителем из деревенской школы, которого зовут Чжан Вэньшэн. Чжан был человеком добрым: если у какой-нибудь семьи возникали трудности, и дети задерживали оплату за обучение на месяц-другой, он никогда не торопил их и не прогонял. Это часто становилось причиной ссор между ним и Чэнь Юем.

Чэнь Юй, местный житель, в свое время считался самым красивым и ярким гермом среди ближайших деревень. Но с появлением Цин Яня его слава померкла, как звезда на рассвете. Теперь Чэнь Юй выглядел бледно на его фоне, что только усиливало его обиду. Чэнь Юй был человеком с мелким сердцем и склонностью к вспыльчивости, поэтому его слова частенько были пропитаны ядом и язвительностью.

Увидев, что Цин Янь не реагирует на его шпильки, а лишь улыбается в ответ, Чэнь Юй почувствовал себя неловко и раздраженно кашлянул:

— Слышал, вы сегодня закрываете кузницу. Я пришел за своей мотыгой.

Цин Янь удивленно приподнял брови:

— Мотыгой?

Чэнь Юй топнул ногой:

— Ты что, забыл? Ты обещал сделать ее и принести ко мне домой!

Цин Янь, не теряя улыбки, виновато сказал:

— Помню, конечно. Но у нас такие правила: без предоплаты заказ не принимается. Я пересмотрел все записи в лавке за эти дни и не нашел твоего залога, вот и подумал, что она

вам больше не нужна.

На лице Чэнь Юя сначала отразилось удивление, затем оно резко потемнело. Он махнул рукой и раздраженно выпалил:

— Да мы же соседи, обязательно так считать каждую копейку?

Цин Янь невозмутимо потянул пальцами край своей голубой куртки:

— Как тут не считать? Я же, видишь, все свое имущество на себя надел, поэтому приходится зарабатывать каждую копейку, чтобы поесть.

Чэнь Юй подавился собственными словами. Он привык, что соседи ради добрых отношений снисходительно закрывают глаза на его попытки поживиться за их счет. Но с таким остроумным и прямолинейным ответом он столкнулся впервые, и ему даже нечего было возразить. Он лишь стиснул зубы и буркнул:

— Я с тобой больше не разговариваю. Подожду, пока вернется твой муж!

Цин Янь не сердился и даже не торопился отвечать. Он все так же улыбался:

— Будет он дома или нет, зерно все равно за медные монеты покупать нужно. Разве что жить на прокисшие объедки, которые никому не нужны.

Лицо Чэнь Юя вспыхнуло от ярости и стыда. Он топнул ногой еще раз, развернулся и направился к выходу. У самых ворот, поскользнувшись на снежной куче, он чуть не упал.

Цин Янь, глядя ему вслед, не проявил злорадства. Он спокойно взял большую метлу, лежавшую на заборе, и пошел к воротам, чтобы расчистить снег.

Уже убирая, он услышал, как шаги Чэнь Юя прозвучали в соседнем дворе, за ними последовал громкий стук захлопнувшейся двери.

Глядя на то, как соседские отношения окончательно зашли в тупик, Цин Янь не особенно огорчился.

Он слышал от тетушки Ли, что Чэнь Юй принес как-то Цю Хэняню какой-то совершенно несуразный обед. Цю Хэнянь не стал возмущаться и просто отдал еду большой охотничьей собаке, что жила у местного охотника. Деньги он за это не взял, хотя прежде уже бесплатно помогал Чэнь Юю — то сделал железную лопату, то огромный поварской черпак. Даже если не учитывать трудозатраты, одних материалов жалко.

«Можно сделать это раз, можно два, но не трижды, — подумал Цин Янь. — Нахальство — это болезнь. А я как раз подходящее лекарство. По крайней мере, теперь этот человек не осмелится повторить свои выходки в моем присутствии».

Вернувшись в дом, Цин Янь прижал замерзшие руки к нагретой стене печи, чтобы согреться. Только что он так торопился выйти, что не успел надеть перчатки. Теперь пальцы были ледяными и покраснели от холода.

Его руки были меньше, чем у большинства мужчин, почти как у девушек. Узкие ладони, длинные пальцы с мягкими, слегка припухшими подушечками. Когда-то они были белыми и нежными, но после того, как он попал сюда, постоянная работа сделала кожу грубее. Это немного огорчало его, хотя он и понимал, что не может свалить всю домашнюю работу на Цю Хэняня. Даже если тот и согласится, Цин Янь не позволит себе жить за чужой счет.

Когда руки согрелись, он переоделся, вымыл их и отправился на кухню.

Завтра утром они должны идти в горы, а это значит, что как минимум три дня им придется провести вдали от дома. По словам Цю Хэняня, в горах есть хижина, построенная деревенским охотником Лю. Условия там простые, но спать и готовить можно.

За последние дни они почти закончили сборы. Осталось только приготовить еду. В горах не было овощей, поэтому их нужно было взять с собой. Мясо тоже потребуется — на случай, если не удастся сразу добыть дичь, чтобы еда не была совсем постной.

Сегодня утром Цин Янь специально замесил тесто, смешав пшеничную и кукурузную муку. Сейчас оно уже подошло. Пока он вымешивал тесто, вода в котле на плите закипела, клубясь густым паром. На паровую решетку он выложил ткань, а затем, один за другим, аккуратно уложил большие пышные маньтоу и накрыл крышкой — через пятнадцать минут они будут готовы.

Пока маньтоу парились, Цин Янь занялся свиным салом, который заранее разморозил и порезал на кубики. Он открыл другую кастрюлю на печи, вытер ее насухо, раскочегарил угли и, когда дно нагрелось, выложил кубики жира, растапливая их на медленном огне. Вскоре жир зашипел, наполнив кухню аппетитным ароматом, а из кубиков начали выделяться прозрачные капли масла.

Когда маньтоу наконец были готовы, жир тоже дошел до нужной кондиции. В половине кастрюли блестело чистое масло, а на поверхности плавали аппетитные шкварки. Цин Янь сглотнул слюну, убавил огонь и выловил шкварки, сложив их в большую фарфоровую миску. Он взял одну шкварку палочками, положил в рот, пожевал и, зажмурившись от удовольствия, улыбнулся. Шкварка была хрустящей, сочной и невероятно ароматной.

Оставшееся прозрачное топленое сало Цин Янь аккуратно перелил в банку и оставил остывать. Когда оно застынет, превратится в белую, густую массу, которая будет отличной добавкой для жарки или заправки лапши.

Как только он закончил большую часть дел, дверь за его спиной скрипнула. Услышав звук, Цин Янь обернулся, и на его лице тут же появилась улыбка. С искренней радостью он воскликнул:

— Почему ты сегодня вернулся так рано?

На нем была старая серая одежда Цю Хэняня — совсем изношенная, с заплатами, но все еще подходящая для работы по дому. Одежда явно была ему велика: рукава он закатал до локтей, воротник висел свободно, обнажая изящную шею и частично ключицы. Белоснежная кожа на шее, лице и руках выделялась настолько, что, казалось, отражала свет.

После приготовления маньтоу лицо Цин Яня покраснело от горячего пара, а губы блестели от жира, оставшегося после шкварок, словно он накрасил их помадой. Это только подчеркивало их мягкость и пухлость. Его улыбка, такая живая и искренняя, делала глаза еще ярче, словно в них отражалось солнце, которое еще не успело сесть за горизонт. В этом взгляде читалась радость и доверие.

Мужчина, который только что переступил порог, замер. Его шаги замедлились, как будто он не решался войти дальше. Половина его лица, изуродованного страшными шрамами, скрывалась в тени, а другая сторона, более сохранившаяся, освещалась мягким светом заходящего солнца. Его губы, обычно плотно сжатые, казались еще строже.

Цю Хэнянь остановился у двери и посмотрел на своего недавно приведенного в дом молодого супруга. Его обычно спокойные, словно поверхность озера, глаза наполнились глубиной, как будто они превратились в темный, загадочный пруд. Его голос звучал приглушенно, и кадык заметно дернулся, когда он хрипло произнес:

— Успел закончить работу, вот и вернулся.

*Чеснок Лаба - это китайский маринованный чеснок зеленого или синего цвета, имеющий кисловатый и слегка острый вкус. Его готовят путем маринования чеснока в уксусе, и его часто ассоциируют с фестивалем Лаба.

*Кондже 8 сокровищ - получило свое название от ингредиентов, которые обычно включают черный рис, клейкий рис, ячмень, фасоль, красную фасоль, маш, китайские финики, семена лотоса, арахис и орехи. лонган

<http://bllate.org/book/13590/1205170>